

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ НОРМАНИСТЫ О РУССКОЙ ЛЕТОПИСИ

Одной из главных концепций зарубежной буржуазной историографии по древней истории нашей Родины является в настоящее время норманская теория происхождения Русского государства.¹ Возникнув еще в 30-е годы XVIII столетия, норманская теория на протяжении почти двух веков развивалась почти исключительно в пределах России; западноевропейские буржуазные ученые XVIII—XIX вв., занимавшиеся историей России, признавали норманскую теорию, но, как правило, не интересовались специально проблемой возникновения Русского государства. С начала XX в. эта тема получает все более широкое отражение в зарубежной историографии; с середины 1930-х годов, когда в нашей стране историками-марксистами окончательно доказана научная несостоятельность норманской теории, защитников последней мы находим уже только на Западе; норманистская литература стала с этого времени полностью частью буржуазной историографии Западной Европы и Америки.

Исходным пунктом для создания норманской теории послужил, как известно, рассказ Начальной летописи о призвании варяжских князей;² именно этот рассказ лег в основу первых норманистских работ — сочинений Байера, Миллера, Шлёцера и др. В сущности говоря, без рассказа о призвании варягов

¹ Общий обзор современного состояния норманской теории см.: И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной историографии. «История СССР», 1960, № 1, стр. 223—236 (то же в немецком издании: Die Normantheorie in der modernen bürgerlichen Geschichtsschreibung. «Sowjetwissenschaft/Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge». Н. 9, 1960, S. 993—1017).

² На летописный рассказ, как на исходный пункт для норманской теории, прямо указывает, например, в своей последней обобщающей работе «Варяжский вопрос» один из главных современных теоретиков норманизма, Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. *Varaegerspørgsmålet. «Viking»*. Bd. XXIII. Oslo, 1959, S. 43).

вряд ли вообще смогла бы возникнуть и получить столь значительное развитие норманская теория, как дельная ученая концепция, считающая, что древнерусское государство образовалось в результате деятельности завоевателей-норманов.

Ценность летописного рассказа для норманистов в том, что он на первый взгляд кажется очень убедительным; у читателя обычно создается впечатление, что в этом рассказе в очень простой, бесхитростной форме описываются реально происходившие события. Поэтому с давних пор и по настоящее время в очень многих норманистских сочинениях летописный рассказ приводится полностью; таким образом авторы стараются создать представление, что в их работах звучит подлинный голос истории. Достаточно сказать, что в наши дни летописное сказание дословно цитируется (в английском, французском, немецком, шведском, финском и датском переводах) во многих норманистских сочинениях.³

Как известно, в течение XVIII и XIX вв. русские ученые были твердо убеждены в достоверности летописного сказания. Норманисты и антинорманисты на протяжении многих десятилетий спорили о том, были ли летописные варяги скандинавами или каким-нибудь другим народом, но не сомневались в том, что летопись под 862 годом сообщает о реально происходивших событиях. На рубеже XIX и XX вв. в исследовании летописи наступил перелом благодаря работам А. А. Шахматова.

А. А. Шахматов является «настоящим создателем научного изучения истории русского летописания».⁴ Он доказал в ряде блестящих исследований, что Повесть временных лет в дошедшем до нас виде не была (как до него думали) самым ранним сочинением по истории Руси, а явилась результатом длительной предшествующей работы летописных сводчиков, многократно переделывавших, расширявших и дополнявших первоначальный летописный текст. В работе «Сказание о призвании варягов»⁵ А. А. Шахматов установил сравнительно позднее происхождение

³ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge, 1946, p. 65; Sveriges historia genom tiderna, Bd. I. Stockholm, 1947, Ss. 121—122; I. Andersson. Schwedische Geschichte. München, 1950, S. 36; M. Drejer. Några tankar om rusernas ursprung. «Ålandsk odling». Mariehamn, 1951, Ss. 7; H. Melberg. Origin of the Scandinavian Nations and Languages, I. Halden (Norway), 1951, p. 194; H. Arbmán. Svear i Österviking. Stockholm, 1955, Ss. 24; Y. Yaakkola. Suomen varhaishistoria (Suomen historia, II). Porvoo—Helsinki, 1956, Ss. 98—99; E. G. Oхenstierna. Die Nordgermanen. Stuttgart, 1957, S. 135; G. Vernadsky. Essai sur les origines russes, T. 2, Paris, [1959], p. 338—340; Brøndsted. Vikingerne. København, 1960, Ss. 59—60.

⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 14.

⁵ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов. СПб., 1904.

ние и искусственный характер рассказа о призвании варяжских князей и всей летописной традиции об основании варягами Русского государства. Эти выводы были подтверждены и развиты Шахматовым в его последующих исследованиях.⁶

Шахматов показал, что рассказ о призвании варягов сложился путем искусственного соединения нескольких (не связанных первоначально между собой) севернорусских местных преданий, очень сильно переработанных и дополненных летописными сводчиками. Этот рассказ отсутствовал в древнейшем тексте летописи и был включен в летопись лишь в середине XI в., когда киевскому летописцу стала известна запись народных преданий, сделанная к тому времени в Новгороде. Путем глубокого и всестороннего анализа летописного текста Шахматов сумел установить, что относится собственно к записи преданий и что является результатом переработок и домыслов летописцев; оказалось, что почти весь текст сказания о призвании варягов состоит из позднейших домыслов и лишь ничтожная часть текста отражает местные предания севернорусских земель (предание о Рюрике, существовавшее в Ладоге, предание о Труворе в Изборске, воспоминания о Синеусе на Белоозере и смутное предание о какой-то дани, платившейся варягам). Таким образом, Шахматов пришел к выводу, что важнейшие части летописного сказания, послужившие основой для построения норманской теории, — тексты о призвании севернорусскими племенами варяжских князей из-за моря, о прибытии Рюрика с его братьями и дружиной в Новгород, об основании Рюриком княжеской династии и о тождестве варягов и Руси — являются в действительности плодом литературного творчества киевских летописцев второй половины XI—начала XII вв.⁷

Научная значимость достигнутых Шахматовым результатов усиливается еще более тем обстоятельством, что сам исследователь по своим историческим воззрениям был, как известно, норманистом и разработал собственную норманистскую концепцию, не получившую, впрочем, поддержки со стороны других исследователей и имеющую лишь историографическое значение.⁸ К выводу о недостоверности основного содержания летописного

⁶ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 289—340; 2) Повесть временных лет, т. 1, Пгр., 1916.

⁷ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 34—41, 50—53, 65—82.

⁸ Концепция эта вкратце излагалась в сочинении «Сказание о призвании варягов» (стр. 53—65) и наиболее полно развита в работе «Древнейшие судьбы русского племени». (Пгр., 1919). Разбор этой концепции с позиций марксистской науки см.: Н. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 135—137.

рассказа о призвании варягов Шахматов был приведен *вопреки* своим норманистским воззрениям, самым ходом исследования, всей совокупностью сделанных им наблюдений и установленных им бесспорных фактов.

В целом работы Шахматова о происхождении русской Начальной летописи и особенно о сказании о призвании варягов подорвали одну из основ норманской теории; результаты этого удара норманизм ощущает вплоть до настоящего времени. Показательно, что хотя после работ Шахматова у нас вышел и продолжает выходить целый ряд новых исследований, в которых было углублено и развито дальше критическое изучение Начальной летописи, полемика с сочинениями Шахматова до сих пор считается злободневной задачей среди норманистов. Так, специально направлена против работы Шахматова «Сказание о призвании варягов», вышедшая полвека спустя статья датского норманиста А. Стендер-Петерсена «К вопросу о Руси».⁹ Критика Шахматова содержится и в других норманистских сочинениях, изданных в недавние годы.¹⁰

Советские исследователи, основываясь на марксистско-ленинской методологии, продолжали и значительно развили начатое Шахматовым изучение Начальной летописи и, в частности, сказания о призвании варягов. В работах М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, М. Н. Тихомирова дано еще более обоснованное и углубленное доказательство искусственности и недостоверности летописного сказания, вскрыты классовые и идейные мотивы, которые обусловили работу летописных сводчиков, создававших и затем неоднократно перерабатывавших текст сказания.¹¹

⁹ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage. (A. Stender-Petersen. «Varangica». Aarhus, 1953, S. 65—87).

¹⁰ При этом нужно отметить, что современные норманисты, выступая против основных положительных результатов исследований Шахматова, прочно вошедших в нашу историческую науку, в то же время охотно используют слабые стороны в творческом наследии этого замечательного ученого — написанные в норманистском духе его исторические построения. Так, и Васильев, и (в несколько завуалированной форме) Вернадский использовали в своих недавних работах давно отвергнутую нашими историками гипотезу Шахматова о якобы имевших место в IX в. двух волнах норманов в России: первой волне, основавшей государство на Днепре, и второй волне, основавшей государство на севере Руси, в Новгороде. См.: А. Васильев, ук. соч., стр. 64—70; G. Vernadsky. Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 261—307, 333—344.

¹¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 34—35, 39—44; Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи... стр. 92—93, 157—160; 2) Повесть временных лет, т. II, М.—Л., 1950, стр. 94—95, 111—116, 233—246; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 1, М.—Л., 1948, стр. 247—248; Б. А. Рыбаков.

Результаты исследований Шахматова получили широкое признание среди историков и впоследствии были успешно использованы советскими учеными как важное орудие в борьбе против норманизма. Шахматовский вывод о недостоверности летописного сказания о призвании варягов во многом помог советским ученым Б. Д. Грекову, С. В. Юшкову, В. А. Пархоменко, М. Н. Тихомирову, В. В. Мавродину и другим в 30—40-х годах показать научную несостоятельность норманской теории, ее неспособность дать подлинно научное объяснение сложных процессов создания государства на Руси.¹² В свою очередь критика норманской теории облегчила советским ученым возможность разработки новой подлинно научной марксистской концепции происхождения Древнерусского государства, согласно которой возникновение государства на Руси рассматривается как результат внутреннего процесса социально-экономического развития восточнославянских земель.¹³

1) Остромирова летопись. «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 46—47, 52, 57—59; 2) глава «Предпосылки образования древнерусского государства» в кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 771—831; 3) Спорные вопросы образования Киевской Руси. «Вопросы истории», 1960, № 9, стр. 18—23; А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания. «Проблемы источниковедения», т. VII, М., 1959, стр. 450—452; М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56.

¹² Б. Д. Греков. 1) Киевская Русь. М.—Л., 1939, стр. 12, 15—17, 223—229 (последнее издание: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, М., 1959, стр. 19, 22—23, 355—361); 2) О роли варягов в истории Руси. «Новое время», 1947, № 30, стр. 12—15 (последнее издание: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 554—558); В. А. Пархоменко. К вопросу о норманском завоевании и происхождении Руси. «Историк-марксист», 1938, № 4, стр. 106—111; С. В. Юшков. 1) К вопросу о происхождении русского государства. «Ученые записки Московского юридического института», 1940, вып. 2, стр. 37—59; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 29—35, 44—68; В. В. Мавродин. 1) Древняя Русь. Л., 1946, стр. 162—168; 2) Борьба с норманизмом в русской исторической науке. Л., 1949, стр. 24—32; 3) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, стр. 89—99; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». «Советская этнография». VI—VII, 1947, стр. 62—73; «Очерки истории СССР. IX—XIII вв.», М., 1953, стр. 69—79; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 740—787, и др. Наиболее крупная работа, специально посвященная общей критике норманской теории с позиций марксистской исторической науки, — H. Łowmiański, ук. соч.

¹³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939; С. В. Юшков. 1) Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949; М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946; В. В. Мавродин. 1) Образование древнерусского государства. Л., 1945; 2) Очерки истории СССР. Древнерусское государство; «Очерки истории СССР. IX—XIII вв.», М., 1953, стр. 56—79; Б. А. Рыбаков. Образование Древнерусского государства. М., 1955, и др. См. особенно последний по времени

* * *

В первые десятилетия XX в. позиции норманизма казались еще настолько прочными¹⁴ и сама шахматовская критика представлялась в такой мере нейтрализованной его собственными норманистскими воззрениями, что норманисты сравнительно мало в то время реагировали на работы Шахматова. Некоторые норманисты, по примеру самого Шахматова, использовали открытые им возможности критического анализа летописи для создания новых самостоятельных норманистских построений.¹⁵ В подавляющем же большинстве норманистских работ, вышедших в предреволюционные годы и в период между двумя мировыми войнами, авторы делали вид, будто они незнакомы с выводами Шахматова, и исходили из того, что рассказ русской летописи продолжает оставаться одной из главных и никем не поколебленных основ норманской теории. Подобный подход во многом был обусловлен и тем обстоятельством, что до конца 30-х годов, пока норманисты чувствовали себя более или менее уверенно, они в своих сочинениях касались главным образом отдельных частных вопросов, не затрагивая всей проблемы в целом.

Самым крупным трудом по вопросу о русской летописи, написанным с позиций норманизма, была монография датского филолога А. Стендер-Петерсена «Варяжская сага, как источник древнерусской летописи» (1934).¹⁶ В этой книге содержалась критика многих положений и выводов Шахматова по вопросу о происхождении текста Повести временных лет; но главной задачей автора являлась не критика, а создание собственной ученой концепции, согласно которой в основу древнейшей части русской Начальной летописи положены предания и эпические сказания варяжских дружинников (подробнее об этом будет говориться ниже).¹⁷

глубокий анализ этой проблемы, сделанный Б. А. Рыбаковым в кн.: «Очерки истории СССР. III—IX вв.», М., 1958, стр. 733—878.

¹⁴ Напомним хотя бы, что еще в 1930 г. Ю. В. Готье, подытоживая тогдашнее состояние науки по норманскому вопросу, полагал, что «вопрос этот решен в пользу норманов» (Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, стр. 248).

¹⁵ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории. М., 1938, стр. 36—37, и др.

¹⁶ A. Stender-Petersen. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Aarhus, 1934 («Acta Jutlandica», VI, № 1). За более чем четверть века, прошедшую после выхода этой монографии, у нас опубликовано много больших и малых работ о начале русского летописания (см. выше, примечание 11), однако ни в одной из этих работ нет откликов на данную книгу.

¹⁷ Из многочисленных норманистских работ, вышедших в 1920-е и 1930-е годы, специально посвящена Начальной летописи еще статья бур-

Позиции норманской теории были, как уже отмечалось, решительно подорваны во второй половине 1930-х годов исследованиями Б. Д. Грекова и других советских ученых, разработавших марксистскую концепцию возникновения Древнерусского государства. В ответ на это норманизм в 40—50-х годах попытался перейти в «контрнаступление». Стало бурно расти число норманистских работ, вновь поднимающих всю проблему в целом или наиболее важные ее стороны. Норманистская литература последних полутора-двух десятилетий, целиком направленная против современной советской науки, ставит своей целью во что бы то ни стало отстоять норманизм от нанесенных ему ударов и любыми средствами опровергнуть или опорочить советскую концепцию о возникновении Русского государства без участия норманов.

В современных норманистских сочинениях, касающихся русской Начальной летописи, поднимаются два основных вопроса: вопрос о достоверности древней части летописи (за IX—X вв.) и вопрос о роли скандинавского эпоса и фольклора в формировании текста летописи (за тот же период).

* * *

Современная норманистская историография в своей борьбе против советской науки большое внимание уделяет русской летописи ввиду большого значения работ Шахматова и его последователей, как одной из основ, на которых покоится советская концепция происхождения Русского государства.

Для современных норманистов особенно важно отстоять достоверность текстов русской Начальной летописи об основании варягами Русского государства и о тождестве варягов и Руси, т. е. текстов, явившихся исходным пунктом для создания норманской теории. Стремление опровергнуть доводы Шахматова и следовавших за ним советских ученых, старание доказать во что бы то ни стало достоверность начальных страниц летописи является одной из первостепенных задач современной норманистской литературы.

жуазного историка-эмигранта А. Л. Породина: «Der Bericht der russischen Chronik über die Gründung des russischen Staates» («Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte». Berlin—Königsberg, 1931, Bd. V, H. 2, S. 194—214) и вводная статья американского медиевиста С. Кросса к изданному им английскому переводу Повести временных лет: S. Cross. The Russian Primary Chronicle. Introduction. «Harvard Studies and Notes in Philologie and Literature», vol. XII. Cambridge, 1930, p. 77—135; в дополненном виде та же статья опубликована в подготовленном С. Кроссом при участии О. Шербовиц-Ветцдор втором издании «Повести», вышедшем под тем же заглавием в 1953 г. (см. ниже, прим. 85).

За решение этой задачи взялся прежде всего наиболее крупный зарубежный специалист по русской летописи, Стендер-Петерсен.¹⁸ Как уже отмечалось, свою работу «К вопросу о Руси»¹⁹ он прямо с первых же строк направил против исследования Шахматова «Сказание о призвании варягов», в котором был установлен поздний и недостоверный характер летописного рассказа о призвании варяжских князей.²⁰ При этом он не ставит своей целью опровержение всех выводов данного исследования. Будучи хорошо знаком с последней литературой о летописи, Стендер-Петерсен сознает, что на данной стадии развития науки уже невозможно отстаивать достоверность всего текста рассказа о призвании варягов в целом (о чем он прямо говорит в другой своей работе, помещенной в том же сборнике),²¹ и стремится отстоять для норманской теории хотя бы главное зерно этого рассказа; он ограничивает свою задачу лишь одним вопросом — критикой произведенного Шахматовым разбора летописной концепции о тождестве терминов «варяги» и «Русь». Как известно, одним из главных результатов исследования Шахматова был вывод о том, что имеющиеся в ряде мест в Повести временных лет отождествление понятий «варяги» и «Русь» является позднейшей вставкой, плодом редакторской работы летописного сводчика начала XII в.²² Стендер-Петерсен стремится

¹⁸ Большинство его последних работ по конкретным вопросам норманской теории издано в сборнике его статей «Varangica» (Aarhus, 1953).

¹⁹ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 65—87.

²⁰ Стендер-Петерсен не отрицает общих научных заслуг Шахматова и даже называет его «гениальным ученым» (там же, стр. 70). Это общее отношение к Шахматову, как можно полагать, Стендер-Петерсен должен был сохранить от времен молодости, когда он, обучаясь в Петербургском университете, имел возможность слушать лекции Шахматова и ощутить личное воздействие русского исследователя.

²¹ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений. «Varangica», стр. 245.

²² А. А. Шахматов. 1) Сказание о призвании варягов, стр. 36—40, 51—52, 74—79, 81—82; 2) Разыскания..., стр. 339—340. Правда, сам Шахматов, оставаясь как историк на норманистских позициях, не сделал из этого историко-филологического вывода неизбежных заключений чисто исторического характера. Однако благодаря этому выводу впоследствии марксистские исследователи, развивая мысли Шахматова, еще более убедительно доказали, что отождествление терминов «Русь» и «варяги» являлось поздним искусственным и явно тенденциозным домыслом летописного сводчика начала XII в. и было частью его общей политической концепции о «благородном» заморском происхождении правящей княжеской династии и названия Русского государства; см.: М. Д. Приселков, ук. соч., стр. 39; С. В. Юшков. К вопросу о происхождении Русского государства, стр. 40; Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи..., стр. 157—159; 2) Повесть временных лет, т. II, стр. 238—246; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 66—71; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР. Древнерусское государство,

опровергнуть этот вывод и доказать, что летописные тексты о равнозначимости понятий «Русь» и «варяги» содержались в летописи со времени ее возникновения и отражали некогда реальную действительность, т. е., что слово «Русь» в IX—X вв. в восточно-славянских землях первоначально было обозначением варягов.

Нет нужды пояснять, что ограниченная задача, поставленная в разбираемом сочинении Стендер-Петерсеном, имела важное значение для всей норманистской литературы в целом — ведь одним из главных положений норманской теории с давних пор является основанное на буквальном понимании летописных текстов утверждение о скандинавском происхождении имени Русь, принесенного будто бы норманами-завоевателями из Швеции.

Критику работы Шахматова, основанной на углубленном анализе летописи, Стендер-Петерсен проводит весьма своеобразным путем. В своей полемике с Шахматовым он исходит главным образом не из анализа летописных текстов, а из (высказанной им уже в его упоминавшейся выше книге 1934 г. издания) заранее предвзятой идеи о том, что в основе древнейшей части русской Начальной летописи будто бы лежит запись устного шведско-варяжского предания, сохранявшегося в норманской среде со времени прихода норманов на Русь; он исходит также из предвзятой мысли о первоначальном тождестве понятий «Русь» и «норманы» и из своей гипотезы о реальном существовании в IX в. некоего шведского племени по имени «Русь». Стендер-Петерсен в своей работе стремится доказать, что установленные Шахматовым позднейшие вставки в текст Начальной летописи, отождествляющие варягов и русь, будто бы являются частью сконструированного им древнего варяжского предания.²³

Свою полемику с Шахматовым Стендер-Петерсен начинает с рассмотрения известного отрывка из Повести временных лет, в котором утверждается существование за морем варяжского племени Русь:

«И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии зовутся свеи, друзии же урмане, аньгляне, друзии гьте, тако и си».²⁴

Шахматов в работе «Сказание о призвании варягов» убедительно показал, что весь текст, начиная со слов «к Руси» (и

стр. 93—96; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, стр. 5—10; H. Lowmianski, ук. соч., стр. 125—133, и др.

²³ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 67.

²⁴ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. I. М.—Л., 1950, стр. 18.

кончая словами «тако и си») представляет собой явную позднейшую вставку, во-первых, потому что в словах «к варягом, к Руси» чувствуется стилистическая неловкость — в первоначально написанном тексте, скорее всего, должно было стоять просто «к варягом» или «к Руси» (даже если считать, что эти понятия были некогда равнозначны, было бы достаточно дать или первое, или второе определение); во-вторых, потому что в Новгородской первой летописи младшего извода, сохранившей более раннюю редакцию Начальной летописи, весь этот текст отсутствует.²⁵

Выступая против приведенной аргументации, Стендер-Петерсен заявляет, что он исходит из результатов своего исследования всего сказания в целом (в упомянутой выше книге 1934 г.),²⁶ согласно которым, по утверждению автора, сказание написано летописцем на основе устной традиции, сохранившейся в среде варяжских дружинников, и содержит лишь то, что было сообщено летописцу варягами.²⁷ Отсюда, по мнению Стендер-Петерсена, следует, что и приведенный выше отрывок из Повести временных лет, как и весь текст сказания о призвании варягов в целом, является записью слов варяжских дружинников. Дружинники в своем рассказе якобы специально указали, что племя Русь, к которому отправились гонцы славян и чуди, было варяжским племенем, и что варяжские дружины рекрутировались не только из племени Русь, но и из других скандинавских племен — из свеев, норманов (норвежцев), англичан и готов; подчеркнуть варяжский характер племени Русь, упоминаемого в этом предании, рассказчики, по мнению Стендер-Петерсена, должны были потому, что к XI в. слово «Русь» приобрело

²⁵ А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 74—75; см. также его же: Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 339—340; А. А. Потембня. К истории звуков русского языка. Русский филологический вестник. Варшава, 1879, стр. 16; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, стр. 238—239; А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 450—451; М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 55. В Новгородской первой летописи младшего извода в этом месте говорится просто: «И идоша за море к варягом...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М., 1950, стр. 106). По справедливому мнению М. Н. Тихомирова, вставной характер этого текста подтверждается и тем обстоятельством, что в древнейших списках летописи — Лаврентьевском, Троицком и Ипатьевском — Русь упоминается далее в числе племен, приглашавших варягов (М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 55—56), откуда следует, что, по представлениям автора первоначального варианта сказания о призвании варягов, Русь была одним из племен Восточной Европы, никак не связанным со Скандинавией.

²⁶ A. Stender-Petersen. Die Warägersage... S. 42—76.

²⁷ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 66.

уже другой смысл — стало обозначением Русского государства.²⁸

В равной мере, по мнению Стендер-Петерсена, не может служить доказательством позднего характера разбираемого текста отсутствие этого текста в Новгородской первой летописи младшего извода (где сохранилась наиболее ранняя редакция русской Начальной летописи). Стендер-Петерсен считает столь же правомерным предположение, что новгородский летописец исключил из данного места летописи имевшийся здесь ранее текст о былом тождестве варягов и Руси для того, чтобы не вводить читателя в ненужные сомнения, или потому, что он сам не понял, каким образом призванные варяги принадлежали к племени Русь, поскольку имя «Русь» ко времени составления летописи имело уже совсем иное значение.²⁹

Аргументация Стендер-Петерсена не может быть признана сколько-нибудь убедительной прежде всего потому, что она исходит из заранее предвзятой и совершенно не доказанной идеи о варяжском предании, будто бы положенном некогда в основу летописного рассказа о призвании варягов. Неубедителен и второй довод Стендер-Петерсена, ибо он противоречит сделанному Шахматовым и другими учеными общему анализу текста Новгородской первой летописи младшего извода, в результате которого совершенно ясно установлено, что этот текст за IX—X вв. является не позднейшей переработкой Повести временных лет, а более ранней (по сравнению с «Повестью») редакцией Начальной летописи, и потому в разночтениях обеих летописей никак нельзя усматривать следы позднейшей переработки текста, имевшегося в «Повести».

Далее Стендер-Петерсен приступает к разбору другого текста Начальной летописи, также содержащего утверждение о тождестве понятий «Русь» и «варяги»:

«И от тех варяг прозвася Руская земля; новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжьска, преже бо беша словени».³⁰

Шахматов считал этот текст неясным, явно испорченным в результате неудачного редактирования одним из составителей летописных сводов XI в.³¹ И в данном случае Стендер-Петер-

²⁸ Там же, стр. 66, 67; ср. его же: *Die Warägersage...*, S. 46; его же комментарий к тексту сказания о призвании варягов в его книге *Anthology of Old Russian Literature*, N. Y., 1954, p. 9, note c.

²⁹ A. Stender-Petersen. *Zur Rus' Frage*, S. 67; ср.: *Die Warägersage...*, S. 46—47.

³⁰ Д. С. Лихачев. *Повесть временных лет*, т. I, стр. 18.

³¹ А. А. Шахматов. *Сказание о призвании варягов*, стр. 36—38; см. также его: *Разыскания*, стр. 298—299; Д. С. Лихачев. *Повесть временных лет*, т. II, стр. 243—246; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 786.

сен «защищает» летописный текст от ученых критиков, подкрепляя свое мнение сравнением с вариантами этого текста в Радзивилловской летописи и в Троицкой летописи. По мнению Стендер-Петерсена, в данном случае летописец «вполне логично» разъясняет, что господствующий слой новгородцев в его время состоял из варягов, тогда как первоначальные жители города была словенами.³² Довод этот совершенно неубедителен по той простой причине, что во время деятельности летописца, т. е. в XI—XII вв., господствующий слой в Новгороде никак не мог состоять из варягов, и до подобного утверждения не доходили даже самые крайние норманисты, считавшие, что норманы-завоеватели господствовали на Руси, в частности, в Новгороде лишь в IX—X вв., а к XI в. уже растворились среди славянского населения; утверждению Стендер-Петерсена противоречат и все сохранившиеся в летописи сведения о составе населения Новгорода в XI столетии.³³

Стендер-Петерсен обращает свое внимание и на третье место в Начальной летописи, содержащее аналогичное высказывание, — на летописную статью 882 г., где после описания захвата Киева Олегом говорится: «И беша у него варязи и словени и прочи[и] прозвашася Русью».³⁴

Шахматов в свое время предлагал две возможных трактовки этого текста: 1) слово «прочи[и]» является подлежащим к следующему слову «прозвашася», и под «прочими» подразумеваются другие участники Олегова войска (кроме варягов и словен), т. е. Русью стали с 882 г. только «прочи» племена, а варяги и словене Русью назывались уже раньше; 2) слово «прочи» в данной фразе грамматически равнозначно словам «варязи и словене», т. е. данная фраза означает, что все перечисленные племена — варяги, словене и прочие (восточнославянские племена) — после взятия Киева стали называться Русью. Стендер-Петерсен считает обе трактовки характерным примером схематичности построений Шахматова и, внося в текст некоторые исправления, предлагает указанную фразу читать так: «И беша у него варязи словени и прочи[и] и прозвашася Русью». Это будто бы должно означать: «И были у него варягами словене и прочии и стали называться Русью»; под словом «варяги» в данном случае должны будто бы подразумеваться не

³² A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 68—69.

³³ Напомним хотя бы летописный рассказ о событиях в Новгороде в 1015 г., из которого явствует, что господствующим слоем в Новгороде была местная славянская знать («нарочитые мужи»), которая резко противопоставляется летописцем призванным Ярославом из-за моря варягам (см.: Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. 1, стр. 95—96).

³⁴ Там же, стр. 20.

скандинавы по национальности, а воины по норманскому образцу образованных дружин. Летописец в данном случае будто бы подразумевал, что Олег включил в свою дружину, кроме норманов, и воинов из разных славянских племен, и имя Русь с этого времени (882 г.) вместо одних норманов стало охватывать всех воинов, входивших в сформированную по варяжскому образцу княжескую дружину; в результате создалась такая ситуация, когда слово «Русь» стало общим обозначением и норманских, и славянских княжеских воинов, и в более широком смысле — обозначением всех славянских и неславянских племен, подвластных варягам.³⁵

Для того, чтобы обосновать свое понимание слова «варяг», Стендер-Петерсен приводит еще две других цитаты из летописи, которые должны подтвердить его точку зрения:

1) «Иде Олег на греки... поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны...».³⁶

2) «Игорь же совокупив вои многи варяги, Русь, и поляны, словени, и кривичи, и теверьце, и печенеги...».³⁷

Стендер-Петерсен ставит после слов «варяг» (в первом случае) и «варяги» (во втором случае) двоеточие;³⁸ тогда получается, что все последующее перечисление племен охватывалось обобщающим словом «варяги» и что воины всех названных племен являлись варягами, т. е. членами дружин, организованных по варяжскому образцу. Однако такая расстановка знаков совершенно произвольна, не вытекает из буквального смысла обоих текстов и не может быть принята. На самом деле, слово «варяги» в обоих случаях просто поставлено первым в перечне племен, входивших в войска Олега и Игоря.

Упрекая Шахматова в схематизме, Стендер-Петерсен сам дает схематичное и неубедительное решение вопроса. В действительности, в русских источниках XI—XII вв. термин «варяги» нигде не применялся как обозначение воина-нормана и тем более — воина дружины, организованной по норманскому типу;³⁹ в наших источниках везде слово «варяги» служит лишь обозначением национальности.⁴⁰

³⁵ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 70—73.

³⁶ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. 1, стр. 23.

³⁷ Там же, стр. 33.

³⁸ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 72—73.

³⁹ Как это было в Византии, где словом «варанги» называли и скандинавов вообще, и воинов варяжской дружины.

⁴⁰ Достаточно напомнить летописные тексты во введении к Начальной летописи («бе путь из Варяг в Греки»; «море Варяжское»; «по сему же морю седять варязи семо ко вѣстоку...»), в рассказе о призвании варягов («Имаху дань варязи из заморья»; «изъгнаша варяги за море»), в статье 1015 г. («Ярослав же, послав за море, приведе варягы») и др. Укажем

Стендер-Петерсен обращается далее к тексту космографического введения к Повести временных лет,⁴¹ в котором при перечне народов Европы дважды упоминается имя Русь, в одном случае — при перечне племен Восточной Европы, в другом — при перечне варяжских народов. Оба упоминания племени Русь, по мнению Стендер-Петерсена, летописец внес в текст введения со слов варяжских дружинников, «без сомнения, тех же самых, которые ему сообщили древнее сказание о призвании народа Русь».⁴² Утверждение это никак не доказывается и противоречит собственной концепции автора, согласно которой рассказ о призвании варягов находился в тексте летописи изначально, тогда как космографическое введение (что бесспорно доказано Шахматовым и косвенно признается и Стендер-Петерсеном) составлено и включено в летописный текст очень поздно, лишь при составлении «Повести временных лет», т. е. — в начале XII в.

Особенно большие усилия прилагает Стендер-Петерсен к тому, чтобы доказать закономерность обоих упоминаний в перечнях народов Европы имени «Русь». По его мнению (ничем, конечно, не доказываемому), упоминание Руси в перечне варяжских народов⁴³ отражает сохранявшееся в среде варяжских дружинников (со слов которых, повторяем, это упоминание будто бы было внесено в текст летописи) представление о том, что некогда в Скандинавии реально существовал варяжский народ Русь, переселившийся затем через море в Восточную Европу; а во втором случае⁴⁴ подразумевается якобы тот же реально существовавший варяжский народ Русь, после переселения в Восточную Европу осевший будто бы сначала в верхнем течении Волги.⁴⁵ И далее Стендер-Петерсен развивает свою концепцию,

также еще пример перечня племен, входящих в княжеское войско: «Володимер же собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи» (980 г.). Во всех этих случаях совершенно очевидно, что под словом «варяги» подразумевается племя (национальность). См. также: H. Łowmiański, ук. соч., стр. 184—185.

⁴¹ Сам текст космографического введения в целом Стендер-Петерсен тоже рассматривает в норманистском духе; он считает, что описание расселения народов Европы в этом введении заимствовано летописцем из Византии, однако не прямо от греков, а из какого-то составленного в Византии варяжского источника (A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 74); при этом автор не пытается даже доказать это утверждение и лишь ссылается на аналогичное высказывание польско-датского норманиста Рожнецкого (S. Rożniecki, *Varaegiske minder i det russiske heltedigtning*. København, 1916, s. 149).

⁴² A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 75.

⁴³ «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне...» (Д. С. Лихачев. *Повесть временных лет*, т. I, стр. 10).

⁴⁴ «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чюдь...» и т. д. (там же, стр. 10).

⁴⁵ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 75—78.

отраженную и в ряде его позднейших работ, согласно которой пришедший из-за моря варяжский народ Русь после пребывания на верхнем течении Волги передвинулся на Днепр и создал Киевское государство.⁴⁶ Критика этой совершенно фантастической концепции уже давалась в нашей печати.⁴⁷ Что же касается утверждения о реальном существовании особого норманского народа «Русь», то даже для многих норманистов было уже давно совершенно очевидно, что никакого народа «Русь» в Скандинавии никогда не было⁴⁸ и упоминание Руси в числе норманских народов во введении к летописи и в летописной статье 862 г. является бесспорно позднейшей вставкой, сделанной летописным сводчиком начала XII в. в плане его общего построения о происхождении государства и княжеской династии на Руси.⁴⁹

Таким образом, в своей статье Стендер-Петерсен так и не смог достичь поставленной цели. Все его попытки доказать, что места в летописи, содержащие отождествление понятий «варяги» и «Русь», являются не позднейшими вставками, а органической частью первоначального текста летописи, не могут быть признаны сколько-нибудь убедительными; Стендер-Петерсену не удалось хотя бы в малой степени поколебать фундаментально обоснованный вывод Шахматова, Лихачева и других исследователей о том, что отождествление в летописи терминов «Русь» и «варяги» во всех случаях носит поздний и искусственный характер и тесно связано с общей тенденцией летописного сводчика начала XII столетия.

В другой своей работе⁵⁰ Стендер-Петерсен, как уже отмечалось, был вынужден (под воздействием богатой аргументации,

⁴⁶ Там же, стр. 78—84. См. также: А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 245—248; A. Stender-Petersen. 1) Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, vol. III. Storia del medioevo. Firenze, 1955, S. 177—186; 2) Russian Studies. Aarhus, 1956, p. 36; 3) Geschichte der russischen Literatur, Bd. I. München, 1957, S. 8—10; 4) *Varaegerspøragsmalet*, s. 51—53. 5) Der älteste russische Staat. «Historische Zeitschrift». München, 1960. Bd. 91, H. 1. S. 1, 2.

⁴⁷ Г. Г. Литаврин. Рецензия на цитированную выше работу Стендер-Петерсена *Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen*. «Средние века», VII, М., 1956, стр. 389—395; И. П. Шакольский, ук. соч., стр. 229. Основанная на произвольном толковании источников концепция Стендер-Петерсена не получила признания даже в норманистской историографии.

⁴⁸ См., например, В. Томсен. Начало Русского государства. М., 1891, стр. 80; H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. London, 1954, p. 142.

⁴⁹ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, стр. 212, 243; А. Н. Насонов, ук. соч., стр. 450—452; H. Lowmiański, ук. соч., стр. 129.

⁵⁰ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 245.

накопленной в русской науке о летописании) признать, что «нужно относиться с большой критикой» к летописному рассказу о призвании варяжских князей. Сдавая под давлением аргументации Шахматова и советских ученых традиционные позиции норманизма по отношению к Начальной летописи, Стендер-Петерсен в этой статье согласен отказаться и от историчности факта призвания варягов, и от историчности Рюрика и его братьев и их вокняжения в Новгородской земле.⁵¹

Приведем полностью эти признания, весьма примечательные для современного этапа норманизма, когда сторонники норманской теории должны отступать под натиском передовой науки: «Нужно относиться с большой критикой к сообщению Повести временных лет о том, что в таком-то году финские и славянские племена якобы решили сообща выгнать чужих насильников за море, а через несколько лет снова призвали их к себе. Сообщение это, данное в лаконической и, очевидно, сильно сокращенной форме, слишком часто подвергалось чрезмерно буквальная интерпретации, не считавшейся с тем, что с момента предполагаемого призвания варягов из-за моря до момента занесения этого сообщения в Повесть временных лет истекло около 250 лет, и что поэтому сообщение, помещенное под 862-м годом, по всей вероятности, было продуктом соображений и исчислений автора Повести или одного из его предшественников. Идея добровольного призвания варягов сама по себе изобличает тенденцию, которая, вероятно, создавалась под влиянием позднейших легитимистических интересов княжеской династии».⁵²

Против «слишком наивной и буквальной» интерпретации летописного рассказа в работах многих историков-норманистов Стендер-Петерсен высказался также и в своей обобщающей статье «Варяжская проблема».⁵³

Из всего летописного рассказа о призвании варягов, по мнению Стендер-Петерсена, безусловно достоверной является «только традиция о происхождении племени Руси».⁵⁴ Предание о приходе племени Руси из-за моря сохранялось, по мнению автора, в среде этого племени, осевшего на восточно-славянских землях, и дожило в варяжской среде до момента составления

⁵¹ Там же; о неисторичности летописного рассказа о призвании варяжских князей тот же автор говорит и в своей работе «Варяжский вопрос» (A. Stender-Petersen. *Varaegerspørgsmalet*. s. 55).

⁵² А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 245.

⁵³ А. Stender-Petersen. *The Varangian Problem*. «Varangica», p. 8, 10.

⁵⁴ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 245.

летописи. Однако это утверждение, продолжающее старую концепцию автора из его книги 1934 г., не было никак доказано, да и не может быть доказано; утверждение основывается лишь на личном впечатлении автора и не выдерживает критики. Стендер-Петерсену, несмотря на его декларативные заявления, не удалось спасти для норманизма и это последнее звено летописной легенды о призвании варягов.

* * *

Большое внимание уделил Начальной летописи живущий в Англии польский ученый-белоэмигрант Г. Пашкевич, автор самого крупного произведения современной норманистской историографии — книги «Происхождение Руси» (1954).⁵⁵ Эта книга специально направлена против концепции советской науки о происхождении Русского государства и ставит целью отстоять и укрепить подмоченные позиции норманской теории. Для достижения этой цели автор стремился привлечь максимальное количество источников и научной литературы, чтобы самим богатством «ученого аппарата» книги создать впечатление прочности, фундаментальности своих построений. Вполне естественно, что из всей массы источников Пашкевич прежде всего и наиболее интенсивно постарался использовать самый важный и самый богатый по содержанию письменный источник для данной проблемы — Начальную летопись — и в своих построениях чаще всего стремится базироваться на данных летописи; в книге Пашкевича содержатся сотни ссылок на летопись и цитат из нее.

Авторы норманистских работ меньшего масштаба могли еще делать вид (и, кстати говоря, продолжают до сих пор делать вид), что в области изучения Начальной летописи за последние 50—60 лет ничего не изменилось и что сейчас также можно потребительски использовать любые цитаты из летописи, как это делалось в прошлом столетии. Но поскольку Пашкевич в своем объемистом сочинении был заинтересован в возможно более широком использовании Повести временных лет, он уже не мог обойти тот вопрос, который на протяжении более полувека особенно волнует всех исследователей русского летописания и историков древней Руси — вопрос о достоверности летописи как исторического источника. В отличие от многих других норманистов Пашкевич в данном случае поднимает прежде всего этот вопрос и с него начинает и всю книгу в целом, и свою поле-

⁵⁵ H. Paszkiewicz. The Origin of Russia. Общую характеристику этой книги см.: И. П. Шаскольский, ук. соч., стр. 226—229.

мику с советской наукой в частности; к этому же вопросу он затем неоднократно возвращается в тексте книги. И это вполне понятно и закономерно: для того, чтобы иметь возможность широко использовать Начальную летопись в качестве основы для своих норманистских построений, Пашкевич должен был попытаться опровергнуть выводы Шахматова и советских ученых о весьма малой достоверности ранних страниц летописи.

Для стиля научной полемики Пашкевича по данной проблеме очень показательны, что, в отличие от Стендер-Петерсена, он не полемизирует с Шахматовым (очевидно, считая, что спорить с Шахматовым в настоящее время не актуально) и весь огонь своей критики направляет против относящихся к Начальной летописи работ советских ученых 40-х и начала 50-х годов.

Книга Пашкевича начинается с обширной цитаты из статьи Б. Д. Грекова «Первый труд по истории России»,⁵⁶ в которой содержится характеристика Повести временных лет, как ценнейшего источника по истории древней Руси. И вслед за этим, стремясь уличить Б. Д. Грекова в противоречии самому себе, Пашкевич приводит его другое высказывание, где отмечается, что летописец как «представитель определенного класса имеет свои политические взгляды, осуществляет определенные политические задачи» и что поэтому «отношение наше к летописи как к историческому источнику должно быть сугубо осторожным».⁵⁷ Ссылаясь далее еще на одну работу Грекова,⁵⁸ Пашкевич стремится создать впечатление, будто бы по мнению Грекова, вы сказанному в этих работах, Начальная летопись вообще не может считаться достоверным источником.⁵⁹ Представив таким образом в искаженном виде позицию Б. Д. Грекова и других наших ученых, Пашкевич объявляет эту позицию проявлением гиперкритицизма в науке и энергично принимает за «защиту» летописи от советских историков. Почти на двух страницах он развертывает свою аргументацию,⁶⁰ которая должна «сокру-

⁵⁶ Б. Д. Греков. Первый труд по истории России. «Исторический журнал», 1943, № 11—12, стр. 65—67; дается также ссылка на аналогичные высказывания Б. Д. Грекова («Киевская Русь». М., 1944, стр. 343—344; «Культура Киевской Руси». М., 1944, стр. 70—74), Д. С. Лихачева («Русские летописи...», стр. 169) и М. Н. Тихомирова («Источниковедение истории СССР», т. I, М., 1940, стр. 49).

⁵⁷ Б. Д. Греков. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского. Сб.: «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, М.—Л., 1939, стр. 90.

⁵⁸ Б. Д. Греков. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.—Л., 1936, стр. 5—6.

⁵⁹ Paszkiewicz, ук. соч., стр. 3—4.

⁶⁰ Там же, стр. 4—5.

шить» доводы советских ученых, якобы отрицающих достоверность летописи (в действительности, советские ученые, конечно, не считают Начальную летопись в целом недостоверной и лишь указывают на необходимость строго критического подхода к ней, как ко всякому источнику).

По мнению Пашкевича, главный довод советских ученых — наличие многочисленных противоречий в Повести временных лет — при более тщательном рассмотрении должен быть отвергнут; однако он никак не доказывает это утверждение, оно и не может быть доказано. Пашкевич далее много говорит о высокой научной ценности Повести временных лет, о богатстве ее содержания и т. д.⁶¹ В целом, мнению советских ученых о необходимости критического отношения к летописи Пашкевич противопоставляет свой вывод: «...ничто из того, что нам известно о Повести, не возбуждает ни малейшего сомнения в ее достоверности, как исторического источника».⁶²

Пространно доказывая в своей полемике с советскими учеными научную ценность Начальной летописи, Пашкевич ломится в открытую дверь: исключительная важность и ценность Повести временных лет никогда не подвергалась сомнению в советской науке⁶³ и с наибольшей полнотой показана именно советскими исследователями. Однако повторяем, суть позиции советских ученых в том, что к летописи, как и к любому другому историческому источнику, нужно подходить критически, с учетом классовых и политических позиций автора и той со-

⁶¹ Некоторые его высказывания в этом плане стоит привести: «Нет никакого сомнения в том, что „Нестор“ был человеком глубокой учености и что он подходил к своему труду с полным сознанием своей ответственности... Читатель поражен обширным рядом сюжетов, которыми интересуется автор, избытком увековеченных фактов и его хорошей осведомленностью о пространных территориях. Однако серьезный подход „Нестора“ к задаче историка сам по себе виден прежде всего в усердном собирании источников и в их употреблении...» (там же, стр. 4). Все эти соображения вполне разделяются и советскими учеными; впрочем, ведь и основаны-то они в конечном итоге на выводах русской и советской науки о летописи.

⁶² Там же, стр. 5. О том, как в действительности относится Пашкевич к вопросу о достоверности «Повести временных лет», весьма метко сказал американский буржуазный историк Г. Вернадский: «Когда свидетельство Повести противоречит его мнению, он, не колеблясь, исправляет текст» (G. Vernadsky, рецензия на книгу Пашкевича, «Speculum», 1955, № 2, p. 295).

⁶³ Единственным исключением является цитируемое Пашкевичем на стр. 4 высказывание М. Н. Покровского в статье «Борьба классов и русская историческая наука» (в кн.: «Историческая наука и борьба классов», т. 1. М. 1933, стр. 18); однако необоснованные взгляды М. Н. Покровского по отдельным вопросам отечественной истории не раз подвергались решительной критике в советской историографии.

циально-экономической среды, в которой возник этот памятник.

Начиная свой труд с «защиты» Начальной летописи от советских ученых, Пашкевич преследовал совершенно определенную цель: доказать, что он может с полным основанием широко пользоваться летописью как источником безусловно достоверным — и в целом (что для автора менее важно), и во всех его частях; таким образом, Пашкевич обосновывает свое право в дальнейшем тексте книги самым широким образом использовать любые цитаты из летописи для доказательства своих построений.

Весьма любопытно, что в этом отношении к Начальной летописи Пашкевич все же не везде последователен. Решительно выступая с самого начала книги против критического отношения к летописи, проявленного советскими исследователями, он в отдельных случаях не удерживается на своей позиции и сам говорит о необходимости критики этого источника. Так, на стр. 135 своей книги Пашкевич признает, что «по-видимому, не следует принимать все, что писал „Нестор“, без проверки, особенно там, где дело идет о древнейших временах»; отдельные примеры критики Начальной летописи можно найти и в других местах его книги.⁶⁴ Из этих фактов совершенно очевидно, что свои утверждения о безусловной достоверности всего текста летописи автор и сам не принимал всерьез, и они были нужны ему лишь для облегчения пользования летописными текстами для доказательств своих положений.

«Защиту» русской летописи от критики (особенно — со стороны советских ученых) Пашкевич продолжает в ряде мест книги. Ее VI глава специально посвящена летописи «Нестора» и содержащимся там известиям о происхождении Руси. Здесь для доказательства абсолютной достоверности летописи Пашкевич использует новый прием. Приводя мнения различных буржуазных и советских ученых, Пашкевич стремится показать, что все эти мнения противоречат одно другому, и что само наличие противоречивых суждений говорит об их тенденциозности и ошибочности.

Пашкевич указывает, что, по мнению одних исследователей, составитель летописи был грекофилом,⁶⁵ по мнению других — грекофобом,⁶⁶ по мнению третьих — норманистом,⁶⁷ по суждению

⁶⁴ См., например, стр. 150—151, и др.

⁶⁵ Г. Ильинский. Рецензия на книгу Н. К. Никольского «Повесть временных лет», «Byzantinoslavica», 1930, стр. 432.

⁶⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 159—160.

⁶⁷ Г. Ильинский, ук. соч., стр. 432; М. Д. Приселков. История русского летописания, стр. 42.

четвертых — был враждебен к норманам;⁶⁸ высказывались также мнения, что составитель летописи отражал классовую точку зрения,⁶⁹ и что он стоял на патриотических позициях.⁷⁰ Изложив эти суждения (и притом не смущаясь тем, что он сваливает в одну кучу и случайные высказывания, и выводы, содержащиеся в солидных трудах), Пашкевич подводит читателя к выводу, что все эти взаимно противоречивые мнения явно исключают друг друга и потому не могут быть правильными. По словам Пашкевича, «„Нестору“ приписывалось столько уклонов, что была упущена одна возможность, а именно — что он пытался записывать правду так, как он ее видел...».⁷¹

Как известно, советские исследователи, развивая мысль Шахматова, считают, что тенденциозность летописца, заставившая его создать искусственное, во многом — искаженное построение начального периода русской истории (в частности, приписать основание Русского государства норманам) объясняется тем, что летописец служил вполне определенным политическим и классовым интересам своего времени. Пашкевич решительно возражает против этого тезиса; позиции большинства советских исследователей он противопоставляет более правильную по его мнению точку зрения советского литературоведа И. П. Еремина, считавшего, что летописец был более моралистом, чем политиком, и что его труд преследовал не политические, а морализующие цели;⁷² по мнению Пашкевича, монах-летописец находился под воздействием не политических интересов, а религии, и потому ему незачем было заниматься тенденциозным искажением исторических событий.

Из изложенного совершенно очевидно, что Пашкевич явно стремится вернуться к давно устаревшим представлениям

⁶⁸ F. Braun. Das historische Russland im nordischen Schrifttum des X—XIV. Jahrhunderts. «Festschrift Eugen Mogk zum 70. Geburtstag», 1924, S. 159.

⁶⁹ Б. Д. Греков. Киевская Русь и проблема происхождения русского феодализма у М. Н. Покровского, стр. 90.

⁷⁰ Б. Д. Греков. Первый труд по истории России, стр. 66.

⁷¹ H. Paszkiewicz, ук. соч., стр. 133—135.

⁷² Там же, стр. 23 и 136; автор здесь цитирует работу И. П. Еремина «Повесть временных лет» (Л., 1947, стр. 19—20, 38). Как известно, главные положения этой работы вызвали решительные возражения советских историков; в рецензиях на эту книгу Л. В. Черепнин («Советская книга», 1948, № 3, стр. 104—106) и В. Т. Пашуто («Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 105—106) показали, что И. П. Еремин стоит на пути к отрицанию основных результатов огромной работы по исследованию летописного текста, проделанной Шахматовым и его последователями. См. также об этом: Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды. «Исторические записки», № 25, М., 1948, стр. 299—301.

о летописце, которые воплотились в весьма поэтичном, но далеком от истины образе пушкинского Пимена. Подобные представления о составителях Начальной летописи давно уже отвергнуты нашей наукой о летописании (Шахматов, Приселков, Греков, Лихачев и др.); тенденциозность и вполне определенная политическая направленность текста летописи давно уже доказаны, и здесь нет необходимости полемизировать по этому вопросу.

Особые возражения Пашкевича вызвала точка зрения советских ученых об общей политической концепции Начальной летописи. Как известно, многими советскими учеными было установлено, что составители Начальной летописи ввели в нее рассказ о призвании варяжских князей с целью доказать особо знатное заморское происхождение правящей княжеской династии и тем подкрепить ее права на власть над Русской землей.⁷³ Марксистские исследователи указывали при этом, что подобный прием — стремление вывести происхождение правящей династии из иностранного государства — был довольно распространенным в средневековой историографии.⁷⁴ Пашкевич объявляет это мнение совершенно ошибочным и указывает, что в исторической традиции двух крупнейших западнославянских народов первая правящая династия выводилась из местной среды: согласно хронике Галла, легендарный основатель первой польской королевской династии Пяст был простым хлебопашцем; по хронике Козьмы Пражского, основатель первой чешской династии Пшемьсл был также простым крестьянином и был призван на трон прямо от плуга.⁷⁵

Приведенные Пашкевичем факты показывают, что стремление доказать происхождение правящей династии из чужой страны в средневековой историографии не было распространено повсеместно; однако такая тенденция у средневековых хроник-

⁷³ Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи..., стр. 157—160; 2) Повесть временных лет, т. II, стр. 94, 112—116, 238; Б. Д. Греков. Киевская Русь (Избранные труды, т. II), стр. 19—23; С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 67, и др.

⁷⁴ Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 159—160; H. Lowmiałński. ук. соч., стр. 133; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 783. Лихачев ссылается на известный труд В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (т. II, кн. 1, Киев, 1908), где приводится наибольшее количество примеров этой тенденции. Так, в Византии патриарх Фотий выводил род императора Василия Македонянина от армянского царя Тиридата; в Англии епископ Ассерий (IX в.) в своей истории Альфреда Великого вывел родословную этого короля прямо от Адама; во Франции существовала теория о происхождении французских королей из Трои; в Испании имелась концепция о происхождении испанских королей от библейского Тубала, сына Иафета, и т. д. (там же, стр. 65—66).

⁷⁵ H. Paszkiewicz, ук. соч., стр. 134.

стов существовала, что было подтверждено многими фактами, приводившимися советскими учеными; аргументация Пашкевича не может опровергнуть основанную на глубоком анализе всего летописного текста точку зрения советских исследователей об общей политической концепции Начальной летописи.

«Защита» летописца от ученых критиков и доказательства полной достоверности его произведения были нужны Пашкевичу, как уже говорилось, отнюдь не из чистого стремления к отстаиванию научной истины, а с целью отвоевать себе право безоговорочно основываться на летописных текстах для подтверждения своих норманистских идей. Покончив с доказательствами безусловной достоверности летописи, Пашкевич сразу же выхватывает из летописного текста главное, что ему нужно для своей общей концепции: летописец «рассматривает Русь как этническое обозначение народа, который происходит из Скандинавии». Сославшись далее на ранее разобранные (в той же книге) нерусские источники, которые по его утверждению также подтверждают этот взгляд, Пашкевич делает вывод, что «норманское происхождение Руси не является ни плодом вымысла Нестора, ни тенденциозным мнением его партии, но фактом общеизвестным и общепризнанным».⁷⁶

Для того, чтобы подвести читателей к этому крайне важному для него выводу, Пашкевич развернул внешне очень обстоятельную аргументацию; он привлек много источников и ученых авторитетов, пытаясь доказать, что имя Русь во всех нерусских источниках означало норманов и что таким образом полностью подтверждается само по себе весьма веское и бесспорное мнение об этом составителя летописи. Однако несмотря на старательно созданную Пашкевичем видимость прочности и неизбежности конечного вывода, его аргументация по ближайшем рассмотрении не выдерживает серьезной научной критики. Здесь нет возможности разбирать произведенный Пашкевичем весьма тенденциозный анализ показаний нерусских источников; сведения этих источников уже неоднократно рассматривались советскими учеными, доказавшими, что на этой основе нельзя сделать вывода о скандинавском происхождении Руси.⁷⁷ В рав-

⁷⁶ Там же, стр. 137.

⁷⁷ Пашкевич приводит ссылки на те же источники, на которые уже многократно ссылались историки-норманисты, пытаясь доказать тождество норманов и Руси — на Бертинские анналы, сочинения Лиудпранда Кремонского и Иоанна Дьякона, на названия порогов у Константина Багрянородного, на произведения арабских писателей IX—XI вв. Советскими учеными была ясно показана неубедительность этих доказательств. Так, в известном тексте Бертинских анналов под 839 г. рассказывается о прибытии к императору Людовику Благочестивому возвращавшихся из Византии послов государства Рос, которые вызвали подозрение императора и при расследо-

ной мере несостоятельна и ссылка Пашкевича на имеющееся в Начальной летописи утверждение о том, что Русь происходит из Скандинавии. Концепция летописца о скандинавском происхождении Руси многократно подвергалась разбору и критике со стороны исследователей летописания; искусственный и поздний характер этой концепции давно и бесспорно установлен.⁷⁸ Таким образом, Пашкевич основывает свой важнейший вывод на высказываниях летописи, недостоверность которых доказана уже несколькими поколениями русских ученых.

Интересно отметить, что хотя Пашкевич во многих местах полемизирует с русскими учеными, занимавшимися критикой летописи, в его книге, как и в разобранной выше работе Стендер-Петерсена, в ряде случаев чувствуется влияние русских фундаментальных исследований по истории летописания. Отдельные примеры такого влияния уже приводились выше. Особенно же заметно оно в тех местах книги, где автор вплотную подходит к наиболее важному для норманистов летописному тексту — к сказанию о призвании варяжских князей. Чрезвычайно показательно, что в объемистой книге, ставящей главной целью всестороннее обоснование норманской теории, на 450 страницах не нашлось места для сколько-нибудь обстоятельного разбора этого сказания; автор ограничивается лишь немногословными высказываниями,⁷⁹ не углубляясь в анализ и не касаясь богатой научной литературы по этой теме. Разумеется, подобный подход не может быть объяснен случайностью. Видимо, для Пашкевича ясно, что в наше время, после работ многих ученых, занимавшихся этой темой, невыгодно основывать норманистские построения на летописном сказании, искусственный, чисто литературный характер которого вполне доказан.

Таким образом, начав свою книгу с нападения на советских ученых за их якобы гиперкритическое отношение к Начальной

вании оказались в действительности шведами. Советские исследователи показали, что вопреки обычному мнению норманистов данный текст говорит не о тождестве понятий «Русь» («Рось») и «шведы», а об их коренном различии; ведь в том и состоит сущность проведенного императором исследования, что послы являются на самом деле не людьми из народа «Рос», за кого они себя выдавали, а шведами. В аналогичном плане советскими учеными показана необедительность и других традиционных аргументов, собранных норманистами. См.: С. В. Юшков. 1) К вопросу о происхождении русского государства, стр. 40—52; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства, стр. 45—55; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 73—78; В. В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 10—16; «Очерки истории СССР. III—IX вв.», стр. 763—770.

⁷⁸ См. последний по времени разбор этого вопроса с марксистских позиций: Н. Łowmiański, ук. соч., стр. 125—133.

⁷⁹ Н. Paszkiewicz, ук. соч., стр. 138, 139, 141.

летописи, Пашкевич не смог поколебать или опровергнуть выводов дореволюционной русской и советской науки о летописании, не смог сколько-нибудь серьезно обосновать свое стремление вернуться к давно устаревшему потребительскому отношению к летописным текстам. Аргументация Пашкевича, игнорирующая результаты работы русских и советских исследователей летописания, является неубедительной и порочной.⁸⁰ И (что особенно важно) яростно полемизируя с советскими учеными, Пашкевич в то же время сам не смог полностью избежать воздействия советской науки.

Кроме Стендер-Петерсена и Пашкевича, «в защиту» Начальной летописи от критики советских ученых выступали и другие норманисты — Васильев, Арбман, Арне, Вернадский; но они не развертывали аргументации и ограничились лишь словесными заявлениями о большой достоверности древнейшей части летописи (рассказывающей об основании норманами Древнерусского государства).⁸¹

* * *

В современных норманистских сочинениях, касающихся русской летописи, может быть прослежена еще одна общая линия — стремление подкрепить и развить дальше разработанную в 1934 г. Стендер-Петерсеном концепцию о большом значении варяжского фольклора для создания русской начальной летописи.⁸²

Сам Стендер-Петерсен отказался от грубых и малоубедительных построений норманистов XIX в., согласно которым

⁸⁰ Показательно, что даже буржуазный славист (из украинских эмигрантов) С. Боднарчук, стоящий на тех же классовых и идейных позициях, что и Пашкевич, и в общем одобрительно оценивший основные концепции его книги, не смог согласиться с его явно тенденциозной и неубедительной трактовкой русской Начальной летописи. По словам Боднарчука, «нетерпимость автора против других истолкователей Нестора, так же как и его убеждение об абсолютной достоверности древнерусской хроники, заставляют относиться с известной осторожностью к его конечным выводам» (S. Bodnarczuk, рецензия на книгу Пашкевича в издании: «Wiener slavistisches Jahrbuch», 1956, S. 202).

⁸¹ A. Vasiliev, ук. соч., стр. 65; H. Arbman, *Svear i Österviking*. Stockholm, 1955, S. 79; T. Arne, рецензия на цитированную книгу Арбмана — «Fornvänner», 1956, S. 293; G. Vernadsky, рецензия на цит. книгу Пашкевича — «Speculum», 1955, p. 295.

⁸² Кстати, отметим, что Стендер-Петерсен в данном случае не был оригинален, ибо еще один из ведущих норманистов прошлого столетия, М. П. Погодин, высказывал мнение, будто источником многих преданий, содержащихся в древнейшей части летописи, были записанные Нестором устные рассказы варягов (о жизни Олега, о мести Ольги и т. п.); см.: М. П. Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. 1. М., 1846, стр. 102—103, 175—186.

русская Начальная летопись целиком была результатом культурного воздействия норманов, прямо прибывших из Скандинавии; он считает, что основные сюжеты и мотивы древнейшей части летописи возникли в Византии и связанных с ней странах ближнего Востока. Однако, по мнению автора, эти фольклорные сюжеты были принесены с юга и востока на Русь норманами, ездившими с торговыми и военными целями через русские земли в Византию, а затем были переработаны в варяжской, дружинной среде на Руси, записаны со слов норманов-дружинников летописцами и положены в основу древнейшей части Повести временных лет. Через Русь те же сюжеты, по мнению автора, затем были перенесены норманами далее на Север, в Скандинавию, и там вошли в состав скандинавского эпоса.⁸³

В приведенном построении старая идея XIX в. о норманском влиянии на русскую летопись дается в значительно более смягченном, завуалированном виде. Однако и в нем, несмотря на все оговорки, создание русского летописания в значительной мере приписывается все тем же норманам.

За последние 10—15 лет указанная концепция поддерживается и развивается в работах того же Стендер-Петерсена,⁸⁴ Арбмана и Чедвик.⁸⁵

⁸³ A. Stender-Petersen, *Die Warägersage...*, S. 77—256.

⁸⁴ При дальнейшем разборе этой концепции мы будем касаться только последних работ Стендер-Петерсена и не будем затрагивать его книги 1934 г. издания, поскольку в настоящей статье рассматривается лишь норманистская литература, вышедшая в последние годы.

⁸⁵ В этой связи интересно отметить позицию, занимаемую в данном вопросе наиболее крупным американским специалистом по русской летописи, С. Кроссом, тем более, что написанное им введение и комментарий к его второму английскому изданию «Повести временных лет» (осуществленному уже после смерти Кросса О. Шербовиц-Ветзор, см.: S. H. Cross and S. Sherbowitz-Wetzor, *The Russian Primary Chronicle*, Cambridge, 1953) является одной из самых значительных современных зарубежных работ о Начальной летописи. По своим историческим воззрениям С. Кросс — один из видных современных пропагандистов и теоретиков норманизма (см.: S. Cross, 1) *Scandinavian Infiltration into early Russia*, «Speculum», 1946, № 4, p. 505—519; 2) *Les civilisations slaves à travers les siècles*, Paris, 1955, p. 84—87; 3) введение к цит. изданию Повести временных лет, стр. 35—50). Однако свое описание Начальной летописи и разбор всех основных проблем, касающихся летописи, он дает в весьма умеренном плане, главным образом излагая результаты исследований русских ученых, особенно Шахматова. Кросс хорошо знает работу Стендер-Петерсена 1934 г., однако использует ее в очень ограниченном объеме; основных идей этой работы он не разделяет. Кросс признает норманское происхождение летописных рассказов о смерти Олега (цит. изд., стр. 34, 224, 256) и о смерти Ольги (там же, стр. 239), поскольку эта точка зрения поддерживалась с давних пор многими авторами; но из этих двух примеров Кросс не делает никаких обобщающих выводов, не строит общих концепций о варяжском происхождении летописи. Правда, умеренность

В наиболее общем плане вопрос о составе русской Начальной летописи рассматривается Стендер-Петерсеном в недавно изданном в Западной Германии I томе его «Истории русской литературы».⁸⁶ В тексте «Повести временных лет» автор усматривает три совершенно различных по стилю слоя, из которых только один, по его словам, действительно имеет литературное значение. Первый слой — краткие погодные записи типа анналов, в которых лишь сообщается в нескольких словах о происшедшем в тот или иной год событии. Второй слой содержит обширные цитаты из церковных книг или излагает конкретные исторические события в религиозно-назидательном тоне. Третий стилистический слой, «сказочно-анекдотический» (*sagenhaft-anekdotesch*), сложился главным образом из старых устно передававшихся сказаний и анекдотов о варяжских князьях; этот слой, по мнению автора, является единственно ценной частью Начальной летописи, как памятника литературы.⁸⁷

Повторяя свою прежнюю точку зрения, автор считает, что выделенный им из летописи 3-й литературный слой составил из странствующих фольклорных сюжетов, принесенных норманами на Русь из Византии; по мнению автора, те же сюжеты норманы перенесли затем из Руси далее на Север, в Скандинавию. Среди этих сюжетов Стендер-Петерсен выделяет прежде всего так называемые «стратагемы» — греческие и восточные рассказы о военной хитрости, относя к ним рассказ о птицах, принесших огонь в осажденный город (месть Ольги древлянам), и др.;⁸⁸ автор связывает их с сюжетами о военной хитрости в скандинавском эпосе и в сочинении Саксона Грамматика. Рассказы о единоборстве двух богатырей автор ставит в связь с рассказом Саксона Грамматика об Уффо и с библейским сюжетом о Давиде и Голиафе. Византийское происхождение

позиции Кросса, по-видимому, в значительной мере была обусловлена спецификой издания. Готовя научную публикацию памятника, издатель обязан был во введении и комментарии предоставить в распоряжение читателя сводку необходимых сведений о данном источнике, накопленных к настоящему времени многими поколениями ученых; навязывать одну свою собственную концепцию и умалчивать о других точках зрения издатель не мог.

⁸⁶ A. Stender-Petersen, *Geschichte der russischen Literatur*, Bd. I. München, 1957 (1-е издание на датском языке — Копенгаген, 1952). Этот двухтомный курс истории русской литературы является плодом многолетней работы автора, хорошо знакомого и с дореволюционной, и с советской литературоведческой наукой; книга нуждается в общей критической оценке со стороны наших филологов; здесь речь пойдет только о нескольких начальных главах.

⁸⁷ Там же, стр. 99—100.

⁸⁸ Там же, стр. 100.

Стендер-Петерсен приписывает также сюжету о смерти героя от его коня, известному по летописной легенде о смерти Олега и по скандинавской Орвар-Одд-саге. Аналогичным образом автор трактует летописные рассказы об Ольге и Владимире.⁸⁹

В качестве доказательства будто бы варяжского происхождения всех названных выше рассказов автор указывает на их строгий лапидарный стиль, типичный стиль северных саг, совершенно неизвестный в Византии (хотя само содержание этих рассказов имеет, по мнению автора, явно византийское происхождение).⁹⁰ В общем у Стендер-Петерсена получается, что в составе русской Начальной летописи единственно ценным в литературном отношении является то, что туда привнесено варягами — записи устных варяжских преданий.

В других своих недавно опубликованных работах Стендер-Петерсен старается обосновать отдельные стороны данной общей концепции. В статье «Варяжская стратагема»⁹¹ он цитирует и разбирает целый ряд античных (греческих, римских, древнееврейских) коротких рассказов о военной хитрости — стратагем, описывающих эпизоды из осад разных городов, и рядом с ними цитирует известный летописный рассказ о белгородском киселе с целью доказать, что этот рассказ написан в том же стиле и является «варяжской стратагемой», т. е. устным литературным произведением этого стиля, созданным варягами в Византии под влиянием античной литературной традиции и затем принесенным теми же варягами на Русь. При этом автор не аргументирует свое мнение какими-либо конкретными доводами; ему кажется, что простое сравнение приведенных текстов свидетельствует об их полном стилистическом сходстве. Однако здесь речь может идти лишь о наличии общего весьма распространенного «бродячего» сюжета; из этого сравнения никак не вытекает ни вывод о византийском происхождении рассказа о белгородском киселе, ни вывод о роли варягов, как переносчиков данного рассказа из Византии на Русь.

В статье «Византийский прототип варяжского рассказа о смерти героя от его коня»⁹² Стендер-Петерсен указывает на уже ранее известные в науке скандинавскую, английскую и сербо-турецкую аналогии летописному рассказу о смерти Олега и старается доказать существование их общего прототипа, якобы

⁸⁹ Там же, стр. 101.

⁹⁰ Там же, стр. 102.

⁹¹ A. Stender-Petersen. A Varangian Stratagem. «Varangica», p. 189—198.

⁹² A. Stender-Petersen. The Byzantine Prototype to the Varangian Story of the Hero's Death through his Horse. «Varangica», p. 181—188.

сложившегося в Византии. По мнению автора, данный сюжет первоначально возник в византийском фольклоре и связывался с именем императора Михаила III Македонянина. В статье приводится целый ряд сведений из биографии Михаила III, говорящих о его любви к лошадям, о строительстве им роскошных конюшен, о его особом интересе к конским состязаниям на ипподроме и т. д.; все эти сведения должны доказывать очень большую вероятность того, что после смерти императора — любителя лошадей, вполне могла возникнуть легенда о его смерти от собственного коня. Однако для действительно научной аргументации этого совершенно недостаточно, ибо аналогичное стечение обстоятельств могло сложиться и в любой другой стране или в той же Византии в другое время и в связи с каким-либо другим историческим деятелем. Построение Стендер-Петерсена было бы вероятным, если бы хоть один источник говорил о смерти Михаила III от его коня; однако, по признанию самого автора, таких источников нет,⁹³ а следовательно, вся гипотеза о византийском происхождении сюжета о смерти Олега фактически ни на чем не основана и оказывается совершенно необудительной.

Общую концепцию Стендер-Петерсена о византийско-варяжском происхождении ряда летописных сюжетов целиком принимает и поддерживает⁹⁴ шведский историк-археолог Арбман в одном из главных произведений современного норманизма — в книге «Шведские викинги на востоке».⁹⁵ Арбман также (правда, в более осторожной форме) высказывает предположение, что «варяжская сага лежит в основе летописи Нестора»,⁹⁶ и вслед за Стендер-Петерсеном приводит те же виды сюжетов, якобы принесенных варягами на Русь из Византии — рассказы о военной хитрости, о единоборстве двух богатырей, о смерти героя от его коня. Летописный сюжет о борьбе двух богатырей Арбман связывает с библейским сказанием о Давиде и Голиафе и с скандинавской сагой о Бьярни Хитделакаппа, в которой рассказывается, как Бьярни спас землю русского князя Владимира, вступив в единоборство с врагом-великаном. В качестве доказательства варяжского происхождения упоминаемых им летописных рассказов Арбман указывает на стилистическое сходство этих рассказов с некоторыми видами саг, и на то, что рассказы, похожие на саги, концентрируются главным образом вокруг таких лиц, как Олег и Ольга.⁹⁷

⁹³ Там же, стр. 188.

⁹⁴ Основываясь на книге Стендер-Петерсена 1934 г. издания.

⁹⁵ H. Arbm an, ук. соч., стр. 26—28.

⁹⁶ Там же, стр. 27.

⁹⁷ Там же, стр. 27—28.

Концепция Стендер-Петерсена, взятая в целом, вызывает серьезные возражения. Само по себе происхождение тех или иных отдельных летописных сюжетов из Византии или из Ближнего Востока вполне возможно. Однако никак не может считаться доказанным главное зерно этой концепции — роль варягов в качестве передатчиков литературных сюжетов из Византии на Русь. Здесь (может быть, помимо воли автора) явно проскальзывает старая тенденция о культуртрегерской роли более «цивилизованных» норманов на Руси; в конечном итоге разбираемая концепция подводит к выводу, что сами русские в силу своей отсталости не могли освоить и принести к себе в страну сюжеты и мотивы высокоразвитой византийской литературы, русским нужны были посредники в лице «более культурных» норманов. В свете современных представлений об уровне культуры русских и норманов X—XI вв.⁹⁸ к этой концепции нельзя уже относиться всерьез. И уж если считать, что перечисленные выше литературные сюжеты действительно произошли из Византии, то ведь гораздо более вероятным будет предположение, что эти сюжеты проникли в русскую летопись без посредства варягов, в результате прямого контакта византийской и русской культуры; ведь достаточно хорошо известно существование оживленных культурных сношений Византии и Руси IX—XI вв. и влияние византийской литературы на развитие древнерусской литературы в целом, и в частности, на формирование текста русской Начальной летописи.

Как уже выше говорилось, единственный аргумент, приводимый Стендер-Петерсеном (в I томе «Истории русской литературы»), в подтверждение своей идеи о посреднической роли варягов в переносе литературных сюжетов из Византии на Русь — строгий лапидарный стиль летописных рассказов, типичный и для скандинавских саг; о стилистическом сходстве летописных рассказов и саг говорит и Арбман. Этот аргумент был бы убедителен, если бы группа летописных рассказов, при-

⁹⁸ Широко распространенные в буржуазной науке представления о культурном превосходстве норманов над восточными славянами не могут теперь выдерживать критику, поскольку советскими учеными собраны богатые материалы, свидетельствующие о высоком уровне развития материальной и духовной культуры на Руси в IX—XII вв. (см., например, История культуры древней Руси, тт. I и II, М.—Л., 1948—1951); против ненаучности, бездоказательности этих утверждений о культурном превосходстве норманов появились в последнее время выступления даже в норманистском лагере (A. Stender-Petersen. The Varangian Problem, p. 10). Однако нет оснований и для распространившегося несколько лет тому назад в нашей исторической литературе утверждения о том, что норманы в IX—XI вв. стояли на более низкой ступени развития, чем восточные славяне; по имеющимся данным, правильнее полагать, что уровни развития Скандинавии и Руси в этот период в основных чертах совпадали.

песенных, по мнению Стендер-Петерсена и Арбмана, на Русь варягами, по своему стилю заметно отличалась от остального текста летописи и от других современных им произведений древнерусской литературы. Однако, в действительности, никакого особого стилистического отличия этих рассказов от всего текста летописи установить невозможно. Скупой лапидарный стиль вообще очень типичен для русских летописей, а также для многих других древних памятников русской письменности, никак не связанных со скандинавской литературой. Само по себе наличие в составе такого крупномасштабного произведения, как Начальная летопись, нескольких сюжетов, имеющих аналогии в скандинавском эпосе, не может служить доказательством норманского происхождения ни для летописи в целом, ни для ее древнейшей части — слишком скромную роль играют эти сюжеты в общих рамках большого и сложного по составу литературного памятника. Против концепции Стендер-Петерсена с очевидностью говорит и то обстоятельство, что Повесть временных лет была написана не на скандинавском, а на русском языке, и в ней не содержится ни малейших признаков, которые позволяли бы говорить не только о влиянии скандинавского языка, но хотя бы о самом элементарном знакомстве создателей этого произведения с языком норманов;⁹⁹ тем более нет никаких признаков переводного характера со скандинавского языка ни для всего произведения, ни для тех его отрывков, сюжеты которых находят аналогии в скандинавском эпосе.

* * *

Большое воздействие норманского фольклора на летопись пытается доказать и английская норманистка Н. Чедвик в своей книге: «Начала русской истории. Разыскания в источниках».¹⁰⁰ Как явствует из заглавия, исследовательница собиралась ограничить свою задачу источниковедческими вопросами; однако на деле в работе так или иначе затрагиваются

⁹⁹ Попытка найти в летописи какие-то следы знакомства ее создателей с языком норманов была сделана буржуазным историком-белоэмигрантом А. Погодиным в статье «Три заметки о начале Русского государства» («Slavia», 1932, т. XI, № 1, стр. 118—125); но и там автор усматривает следы знакомства с скандинавским языком не в самой летописи, а лишь во включенном в летопись тексте договора Игоря с греками 945 г. При этом его соображения оказались при проверке недостаточно убедительными и не получили признания даже в норманистской историографии.

¹⁰⁰ N. K. Chadwick. *The Beginnings of Russian History. An Enquiry into Sources*. Cambridge, 1946. Разбор и критика этой книги дается М. Н. Тихомировым в статье «Откровения Чедвик о начале русской истории» («Вопросы истории», 1948, № 4, стр. 112—115).

многие общие моменты истории Древнерусского государства, а в специально источниковедческих вопросах автор разбирается весьма слабо. Достаточно, например, сказать, что, хотя наиболее важным объектом этого источниковедческого (по замыслу) исследования является русская летопись, автор совершенно незнаком ни с работами Шахматова, ни вообще с богатой дореволюционной русской и советской научной литературой о летописании,¹⁰¹ без знакомства с которой на современном уровне научного знания никакое исследование летописи вообще немислимо. Да и сам текст Начальной летописи автор храбро берется «исследовать» не по подлиннику, а по английскому и немецкому переводам, которые кое-как могут использоваться для общеисторических работ, но никак, конечно, не могут служить основой для специальных источниковедческих разысканий. Поэтому все, что говорится Чедвик о летописи (как, впрочем, и о других источниках, затрагиваемых в ее книге), носит характер любительской болтовни, имеющей лишь отдаленное отношение к науке.

Чедвик стоит на позициях крайнего норманизма; скандинавское происхождение Русского государства и правящей династии, так же как и господство норманов на Руси IX—X вв., для нее являются фактами, не требующими доказательств; по ее твердому убеждению, не только Олег и Ольга, но даже Владимир — типичный норман, и его действительное имя вовсе не Владимир, а *Valdimarr*.¹⁰² В соответствии с этим трактуется Чедвик и ранняя часть русской летописи, касающаяся IX—X вв.

Так же как и многие ученые-норманисты, Чедвик поддерживает старую идею о решающем влиянии скандинавского эпоса на формирование текста русской Начальной летописи. При этом весьма показательно, что хотя Чедвик знакома с трудом Стендер-Петерсена (1934 г. издания), специально посвященным данной теме, и сама постоянно касается тех же самых вопросов, в своем сочинении она явно старается не упоминать названный труд¹⁰³ и решать все вопросы самостоятельно. Есть все основания полагать, что Чедвик не ирритится в сочинении Стендер-Петерсена его слишком умеренный норманизм. Как уже говорилось, Стендер-Петерсен считал, что основные литературные сюжеты ранней части Начальной летописи не были скандинавскими по происхождению, а были перенесены норманами из Византии и Ближнего Востока через Русь в Скандинавию;

¹⁰¹ Как и вообще почти со всей советской историографией; автор не знаком даже с работами Б. Д. Грекова о Киевской Руси.

¹⁰² N. K. Chadwick, ук. соч., стр. 8—9.

¹⁰³ На всем протяжении книги Чедвик ссылается на эту работу Стендер-Петерсена лишь в двух местах (там же, стр. 26 и 145).

напротив, Чедвик является сторонницей старых, традиционных норманистских представлений, по которым указанные сюжеты были перенесены из Скандинавии на Русь, что считалось одним из главных проявлений культурного воздействия более «передовых» скандинавов на «отсталых» славян. И в этом плане построен весь «анализ» Начальной летописи. В книге Чедвик все конкретное содержание глав, посвященных летописи, в конечном счете сводится к рассуждениям о скандинавском, норманском происхождении летописных сюжетов, касающихся событий IX—X и даже первой половины XI в. При этом автор в большинстве случаев весьма мало утруждает себя доказательствами;¹⁰⁴ для него представляется достаточным просто заявить, что тот или иной сюжет похож на сюжет какой-либо конкретной исландской саги или по общему стилю близок к скандинавской литературе. Так, например, изложив летописный рассказ о мести Ольги древлянам, Чедвик безапелляционно заявляет: «весь рассказ о сношениях Ольги с древлянами читается совершенно как норманская сага».¹⁰⁵ Летописный рассказ о Святославе, по словам Чедвик, «читается как эхо норманской Hrafnsmál, краткой панегирической поэмы норманского скальда о Гаральде Гарфагре»;¹⁰⁶ этот же рассказ «напоминает норманскую поэму Glymdrára, составленную скальдом Торбьорном Хорнклофи» и также описывающую подвиги норвежского короля Гаральда Гарфагра.¹⁰⁷ Поскольку подобные утверждения никак не аргументируются, их невозможно подвергнуть критике; это лишь субъективные восприятия автора, которые не имеют никакого научного значения.

Для научного уровня этого сочинения характерна трактовка содержащихся в летописи договоров Олега с греками. Не вдаваясь в разбор этих важнейших документов и лишь сославшись на мнение финского исследователя В. Мансикки (высказанное им между прочим, в монографии на совершенно другую тему — о религии восточных славян),¹⁰⁸ Чедвик объявила договоры Олега подделкой;¹⁰⁹ содержащиеся в тексте договора 911 г.

¹⁰⁴ В сущности говоря, единственным исключением является разобранный почему-то в трех разных местах книги довольно подробное сравнительное изучение летописного рассказа об Олеге и скандинавской Орвар-Одд-саги (там же, стр. 25—27, 62—64, 145—174). Однако сюжетное сходство обоих литературных памятников было известно давно, и Чедвик в данном случае пошла по проторенному пути, никак не продвинув вперед изучение этого вопроса.

¹⁰⁵ Там же, стр. 30; см. также стр. 34.

¹⁰⁶ Там же, стр. 32.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ W. Mansikka. Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922, S. 30.

¹⁰⁹ При этом, Чедвик даже не потрудились посмотреть летопись, где содержатся два договора Олега, 907 и 911 гг., и говорит об одном договоре.

скандинавские имена послов, по мнению Чедвик, были заимствованы авторами подделки из скандинавской героической поэзии, бытовавшей будто бы в устной форме в древнем Киеве в то время, когда был искусственно составлен текст этого якобы никогда не существовавшего договора.¹¹⁰ Так, не потрудившись изучить текст сложного и исключительно ценного исторического документа, Чедвик одним ударом объявляет этот документ подложным и подобный «вывод» использует для подкрепления своей общей идеи о большом влиянии скандинавского фольклора на русскую летопись и вообще на первые шаги русской письменности.

Чедвик усматривает норманское влияние даже в более поздних частях Начальной летописи, которые ни Стендер-Петерсеном, ни кем-либо из более ранних норманистов не связывались с норманами. По мнению Чедвик, в тексте Повести временных лет за первую половину XI столетия все подробные рассказы о походах Ярослава и других князей написаны летописцем со слов участвовавших в этих походах варяжских дружинников; об этом, по словам Чедвик, свидетельствует то обстоятельство, что в летописи подробно описываются только те походы указанного периода, в которых участвовали варяги.¹¹¹ Довод этот совершенно неубедителен, поскольку нам просто неизвестен состав участников многих других походов, о которых в летописи сообщается кратко, без всяких подробностей (походы Ярослава 1030, 1038, 1040, 1041 и 1047 гг.), и потому нельзя точно установить, в каких именно походах участвовали варяжские наемники. Кроме того, явно пришлый, чуждый местному населению характер приглашенных Ярославом из-за моря варяжских наемных отрядов настолько ясно вытекает из летописных текстов, что совершенно невозможно именно этим чужестранцам приписывать какое-то участие в составлении русской летописи; летописцу совсем не нужно было обращаться за сведениями к чужестранным наемникам, когда он мог получить более доброкачественные сведения от лучше разбиравшихся в конкретной обстановке русских дружинников.

Таким образом, утверждения Чедвик об определяющем влиянии норманов и норманской устной литературы на формирова-

В действительности, в научной литературе вызывает известные сомнения в подлинности лишь один из договоров Олега с греками, помещенный под 907 г.: договор 911 г. всегда считается подлинным. И, кстати говоря, многие поколения норманистов очень высоко ценили именно этот договор, считая содержащиеся в нем варяжские имена послов важным доказательством в пользу своей теории.

¹¹⁰ N. K. Chadwick, *вк. соч.*, стр. 11.

¹¹¹ Там же, стр. 103—105.

ние текста Начальной летописи по ближайшем рассмотрении оказываются бездоказательной болтовней, не имеющей прямого отношения к науке.

* * *

С общей концепцией Стендер-Петерсена о роли варяжского фольклора для формирования русской Начальной летописи связана и его гипотеза о происхождении летописного рассказа о призвании варягов.¹¹²

Ссылаясь на результаты своего исследования 1934 г.,¹¹³ Стендер-Петерсен считает рассказ о призвании одним из вариантов многочисленных шведских сказаний о трех братьях, распространенных среди шведского населения, осевшего с давних пор на побережье Финляндии и Эстонии. В основе этих сказаний лежит, по данным Стендер-Петерсена, обычно одна и та же схема:

- 1) три брата прибыли через море из Швеции,
- 2) один поселился здесь, второй там, третий — в третьем месте.

Хотя эта схема имеет много различных вариантов, во всех случаях она служит для того, чтобы в форме легенды о приходе трех братьев доказать происхождение шведских поселенцев из-за моря, из Швеции (и особенно часто из шведской прибрежной области Рослаген). Летописный рассказ о приходе из-за моря трех варяжских князей Стендер-Петерсен считает просто старейшим известным нам вариантом этого фольклорного сюжета. Правда, мотив призвания во всех известных вариантах шведского сказания отсутствует; однако, по мнению автора, этот мотив в летописи заимствован не из фольклора, он внесен в текст сказания из других источников.¹¹⁴

Собранные Стендер-Петерсеном сведения о широком распространении в шведском фольклоре сюжета о приходе трех братьев из-за моря имеют определенное научное значение; исследователи Начальной летописи могут соглашаться или не соглашаться с выводами, извлекаемыми Стендер-Петерсеном из своих материалов, однако не считаться с этими материалами теперь уже невозможно.

¹¹² Сама по себе идея о том, что в основе летописного рассказа о призвании варягов лежит варяжская сага — совсем не нова; ее впервые высказал еще более ста лет тому назад М. П. Погодин («Исследования, замечания и лекции о русской истории», т. 1, стр. 491).

¹¹³ A. Stender-Petersen. Die Warägersage... S. 51—61.

¹¹⁴ A. Stender-Petersen. Zur Rus' Frage, S. 78—79; см. также его же: 1) Russian Studies, p. 34; 2) Geschichte der russischen Literatur, Bd. I, S. 101—102; 3) Vaaegerspørgsmalet, s. 51.

В то же время нужно отметить, что гипотеза Стендер-Петерсена, если ее брать в полном объеме, вызывает определенные сомнения и возражения. И особенно показательно, что сомнения раньше всего возникли не у противников норманской теории, а в самом норманистском лагере. В уже цитированной книге шведского археолога и историка Х. Арбмана говорится, что «совсем неясно», в какой связи находится рассказ летописи с многочисленными сказаниями о трех братьях, сохранившимися у шведского населения на восточных берегах Балтики.¹¹⁵ Арбман специально подчеркивает отличия этих сказаний от рассказа летописи: в этих сказаниях никогда не говорится о призвании, никогда не говорится, что братья занимались разбоем; там речь идет о мирном приходе трех братьев и о поселении их в трех разных местах.¹¹⁶ Автор не считает совсем невозможным предположение, что и сказания шведских поселенцев в Финляндии, и рассказ летописи могли восходить к одному источнику, к норманской родовой саге, которую сложили норманы на Руси; однако, по мнению Арбмана, все же слишком рискованно строить научную гипотезу на столь шатком основании, как наличие указанного фольклорного мотива, распространенного не только на Балтике, но и во многих других странах и в различных исторических эпохи.¹¹⁷

Со своей стороны, приведем еще некоторые соображения, говорящие против мнения Стендер-Петерсена. В своем построении Стендер-Петерсен исходит из все той же идеи о норманском предании, послужившем будто бы главным источником для рассказа летописи. Между тем, два существенных момента в своей совокупности доказывают правильность высказанной еще А. А. Шахматовым точки зрения, согласно которой в основе летописного рассказа лежат не варяжские, а местные предания.¹¹⁸ Прежде всего очевиден факт использования летописцем по крайней мере трех местных преданий — новгородско-ладож-

¹¹⁵ Н. Арбман, ук. соч., стр. 25.

¹¹⁶ Это — сказания о приходе из-за моря мирных крестьян-переселенцев, а не воинов-завоевателей и властителей.

¹¹⁷ Н. Арбман, ук. соч., стр. 25. В качестве примеров рассказов о трех братьях Арбман приводит библейский сюжет о Симе, Хаме и Иафете, древнескандинавский миф о Одине, Виле и Ве, и др. Более полные сведения о наличии аналогичных сюжетов в фольклоре разных стран в различные эпохи дал уже давно В. А. Мошин («Начало Руси. Норманы в Восточной Европе». «Byzantinoslavica», т. III, Прага, 1931, стр. 298).

¹¹⁸ См.: А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, стр. 312—314. Вслед за Шахматовым эту же точку зрения энергично поддерживает Г. Ловмянский (H. Łowmiański, ук. соч., стр. 127).

ского, изборского и белозерского.¹¹⁹ Реальность существования в IX—XI вв. указанных преданий явствует из того, что они в последних двух случаях происходят из второстепенных пунктов, не являвшихся, по-видимому, в IX в. племенными центрами;¹²⁰ если бы летописец сам придумал места княжений Синеуса и Трувора, он не стал бы помещать этих князей в маленькие окраинные городки кривичской и весской земли, а поместил бы их в более крупные города того времени.¹²¹ Далее, местный, славянский характер главного из трех преданий, новгородско-ладожского, с очевидностью вытекает из его явной антиваряжской направленности; ведь одним из основных элементов этого предания было известие о насилиях варягов над славянским населением. Да и известие об изгнании варягов за море могло быть частью славянского предания или же резуль-

¹¹⁹ А. А. Шахматов («Разыскания...», стр. 313) указывает, что, судя по летописи, в то время существовало еще по крайней мере два аналогичных местных предания о князьях: об Олеге в Ладогe и о Рогволоде в Полоцке, однако из пяти известных ему преданий летописец выбрал три, которые и включил в летописный рассказ.

¹²⁰ В IX в. небольшой городок Изборск, лежащий на самой северной окраине кривичской земли, не был, конечно, ее центром; племенными центрами кривичей были Смоленск и Полоцк. Белоозеро, как теперь устанавливается по данным топонимики, лежало на самом краю земли веси, вдали от ее основных территорий (распологавшихся на Олонецком перешейке и к югу от Ладожского и Онежского озер) и тоже вряд ли было племенным центром веси (см.: Д. В. Бубрих. 1) О двух этнических элементах в составе карельского народа. «Ученые записки ЛГУ», серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 120—122; 2) Историческая фонетика финского суоми языка. Петрозаводск, 1948, стр. 11—13; Н. И. Богданов. 1) К истории вепсов. «Известия Карело-финского филиала АН», 1951, № 2, стр. 30—31; 2) Народность вепсы и их язык. Сб. «Прибалтийско-финское языкознание», Петрозаводск, 1958, стр. 63—65).

¹²¹ Здесь же отметим, что нет необходимости принимать всерьез норманистскую гипотезу о том, что никаких Синеуса и Трувора в первоначальном тексте сказания не было и эти имена попали будто бы в летопись из-за непонимания русским летописцем варяжского устного предания о призвании первых князей; предполагается, что варяг, сообщавший летописцу это предание, сказал, что Рюрик прибыл на Русь со своим родом — по старшведски *sine hus*, и с верной дружиной — *thru varing*, а летописец будто бы счел эти шведские слова собственными именами братьев Рюрика (Мошин, ук. соч., стр. 299). Гипотеза эта исходит из все того же предположения о норманском происхождении рассказа о призвании варягов; невероятность этого предположения была уже показана выше. Кроме того, приведенная гипотеза неубедительна и с филологической стороны; ее не приняли крупнейшие филологи-норманисты В. Томсен, А. Стендер-Петерсен и др., на авторитет которых в данном вопросе вполне можно положиться. И, наконец, если имя «Трувор» само по себе могло иметь норманское происхождение, то чисто славянский характер имени «Синеус» (если не подходить к его толкованию с заранее предвзятых норманистских позиций) вряд ли может вызывать какие-либо сомнения.

татом литературного творчества летописца, но никак нельзя предположить, чтобы оно хранилось (да еще 2—2½ столетия) в памяти варягов, притом в столь неприятной для престижа варягов форме, в какой оно изложено в летописи.

Таким образом, очень возможно, что распространенный на берегах Балтики фольклорный сюжет о приходе трех братьев из-за моря отразился на летописном рассказе о призвании варягов; однако летописный рассказ — не просто один из вариантов шведского фольклорного сюжета, а результат объединения ряда преданий и литературных заимствований,¹²² и указанный фольклорный мотив в лучшем случае лишь оказал некоторое влияние на формирование текста этого рассказа. Для целей настоящей работы важнее другое — сам факт, что Стендер-Петерсен, доказывая фольклорный характер летописного сказания, тем самым подходит к выводу о недостоверности этого источника, сыгравшего столь важную роль для норманской теории.

* * *

Таким образом, «контрнаступление» современных норманистов в науке о русской летописи не смогло увенчаться успехом. Концепция о ведущей роли норманского фольклора в формировании текста Повести временных лет при ближайшем рассмотрении оказалась несостоятельной, не смогла выдержать строгой научной критики. Столь же несостоятельными оказались и другие норманистские построения, касающиеся Начальной летописи.

Норманисты в настоящее время вынуждены отступать под натиском передовой науки, сдавать свои важнейшие позиции, которые уже стало невозможно защищать; чрезвычайно показательно, что и Стендер-Петерсен, и Пашкевич, главные буржуазные «знатоки» русской летописи, под давлением убедительной аргументации Шахматова и советских ученых фактически вынуждены были отказаться от одного из основных доказательств норманской теории — от летописного рассказа о призвании варягов, и пытались спасти для норманизма лишь одно зерно, содержащееся в этом рассказе — мнимое тождество понятий «варяги» и «Русь». Но и попытки отстоять это последнее зерно варяжской легенды не смогли увенчаться успехом.

В сочинениях более общего или научно-популярного характера норманисты (как уже отмечалось) еще пользуются и,

¹²² Кроме названных уже источников летописного рассказа, напомним еще о явном влиянии текста саксонской хроники Видукинда о призвании бриттами англо-саксонских князей.

вероятно, будут и в дальнейшем пользоваться летописной легендой о призвании варяжских князей. Но, как показал опыт Стендер-Петерсена и Пашкевича, в работах, претендующих на научность, пользоваться данной легендой для доказательства норманской теории на современном уровне научных знаний стало уже невозможно. И это является ярким примером успешности наступления передовой марксистской науки против реакционного норманизма.
